

Гала Узрютова

**ОБЕРНУЛСЯ,
А ТАМ — ЛЕС**

Гала Узрютова

Обернулся, а там – лес

НП «Центр современной литературы»

Узрютова Г.

Обернулся, а там – лес / Г. Узрютова — НП «Центр современной литературы»,

Гала Узрютова родилась в 1983 году в Ульяновске, окончила Ульяновский госуниверситет. Финалист российско-итальянской литературной премии «Радуга—2015», дипломант Волошинского конкурса — 2014, лонглистер премии «Дебют» («Литература для детей», «Малая проза»). Читки пьес были представлены в Театре.doc, Центре им. Мейерхольда. Стихи переводились на немецкий язык, проза — на итальянский. Премия Русского Гулливера учреждена в 2014 году Центром современной литературы, издательским проектом «Русский Гулливер» и мультимедийным журналом «Гвидеон». С рукописью книги стихотворений «Обернулся, а там — лес» Гала Узрютова вошла в шорт-лист основной номинации («поэтическая рукопись») и стала лауреатом в номинации «специальная премия издательского проекта».

© Узрютова Г.

© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Рыбное яблоко	5
В лес	6
«нетрог нетрог его, поле сытое...»	6
«из всех других ты почему-то...»	7
«с подветренной стороны затишок нашли...»	8
«языки запоминаются в детстве...»	9
«катится-катится голубой вагон...»	10
«с берега-берега гром гребет...»	11
«и такая настала вокруг спина...»	12
«искали его искали...»	13
«так много холмов...»	14
«кричали птицы, мальчики молчали...»	15
«У моста стоит собака...»	16
«Чьи это дома...»	17
«перекатываясь в голени изо рта...»	18
«шершавые болтаются старухи...»	19
«убывает дерево кажущейся норой...»	20
«видел ли ты женщину...»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Гала Узрютова

Обернулся, а там – лес. Стихотворения

Рыбное яблоко

*

Читая стихи Галы Узрютовой, я ловлю себя на мысли, что понимаю, для чего они написаны. Стихи могут быть виртуозны, прекрасно оркестрованы, пронизаны чувствами и смыслами – и при этом никак не соприкасаться с душой читателя. Озноб, беспричинная радость, удивление – эти детские чувства передаются тебе потому, что их испытал сам автор. Гала Узрютова передает опыт, возникший в момент написания текста. Пусть этот момент готовился годами, но само открытие и трансформация слов в чудо происходит на наших глазах.

Небольшие по объему, но необычайно емкие стихотворения похожи иногда на карандашные наброски или на импровизации на неведомом музыкальном инструменте. То ли флейта, то ли скрипка. Гибрид флейты и скрипки. Это не лирическая поэзия, утверждающая уникальность личного существования. Мы имеем дело с какой-то более древней формой творчества. Песня, заговор, мольба, молитва. Не стилизация, не имитация, а именно воссоздание жанра из материала сегодняшнего дня. Гала уходит в лес, слушает там песни леса и потом возвращается назад. Место возвращения не определено. Испания? Португалия? Аэропорт Хельсинки? Симбирск? Сестрорецк? Автор постоянно находится в своем мире и по существу никогда его не покидает. Она в нем родилась (выдумать такие вещи невозможно) и теперь этот мир обустривает. С небывалой серьезностью. Самоотверженно. Прилежно.

Нелинейность образов Галы Узрютовой может отсылать к поволжскому фольклору, а может и не отсылать. Нечто этническое и даже колдовское проступает сквозь ее тексты, но не нарочито. В данном случае совершенно неважно, какое знание за этим стоит: книжное или интуитивное. Я догадываюсь, что она много читала и читает. Но она не форсирует культуру, не играет с ней, не выпячивает ее. Ей хватает собственной интонации, вбирающей опыт предшественников, но выносящий его за скобки. На второй план. Интонация – ключевое слово для понимания поэтики Галы Узрютовой. Чистота интонации. Четкость плача. Узнаваемость голоса.

Узрютова – один из самых «безумных» поэтов в своем поколении. К счастью, это «контролируемое безумие». Оно не только находится в поисках гармонии, оно ее практически обрело. Образный строй стихов Узрютовой не умозрителен, а физиологичен. То, о чем говорит, она «прочувствовала на своей шкуре» и смогла облечь в слова. Физиология бормотания незаметно прокладывает дорожку через душевность в духовность, смешивает их, меняет местами. Это языческая практика. Отмена иерархий и масштабных линеек. Точкой отсчета может стать детство, первая любовь или страшная беда. Гала Узрютова начинает строить свою поэтику с некоторого предполагаемого нуля, опираясь на свое отчаяние и счастье. Многочисленные посвящения поэтам-современникам в книге говорят скорее о том, что она любит поэзию и умеет быть благодарной тем, кто живет и пишет в настоящее время. Такое могут позволить себе только состоявшиеся поэты и сильные люди.

Вадим Месяц

В лес

«нетрог нетрог его, поле сытое...»

нетрог нетрог его, поле сытое
трава идет с ним по локоток
видно макушку – не слышно ног

же море, же соль, жернова
перемалывают ласточек на
черное и белое
нетрог же ласточек

что ему делать
с твоим лицом в окне
если ты смотришь в комнату, а не вне
если родился в этой, не стой в той стороне
снег как замерзший свет
крошится не на всех
имени его нет – же море, же близко, же соль, жениться
ему только с травой

«из всех других ты почему-то...»

из всех других ты почему-то это яблоко спасал

яблоки загодя будут истоптаны, под ноги бросят сочить,
светом измятое рыбное яблоко в гавани станет входить,
морем мироточить.

лица уже сдобны, как на масленицу. в это стрелять или в то
яблоко, что не стоит, а покатится. конница давит вино,
нет на кресте никого.

в снег оживают из мякоти косточки и заплывают за дно

«с подветренной стороны затишок нашли...»

*А что бы со всеми нами случилось, кто всех
из месяца в месяц, вот
так, из года в год, –
если не вечное эхо –
не этих вод?*

Сергей Морейно

с подветренной стороны затишок нашли
затишок нашли
окромя него туда все срыбились
срыбились
из-под воды ноги его видны
сваями растут сваями
лето хотели в тиши сидеть да сзимились
ноженьки, где вы ноженьки
преломите ледень, преломите
в затишок нетронутый приходите

«ЯЗЫКИ ЗАПОМИНАЮТСЯ В ДЕТСТВЕ...»

*Так мало осталось того, что по-прежнему бы
меня занимало [интересовало].
Возможно само это малое [маленькое]
[сама эта малость]
одно [одна] только и занимает меня
измерением ее [его] параметров [периметров]
я занята [занят] целый день [целыми днями].*

Гали-Дана Зингер

языки запоминаются в детстве
когда свет комнатен и протяжен
когда за пунктиром забора
нет стола и нет стульев,
а есть – одна сплошная поземка
но ландыши на белом не белы
они, как и все сосны, проточны

у кого длинны руки – собирает вишню
у кого винограден голос – ведет остальных через мост
у того зимен отец – кто безлетен

языки забываются в детстве
но их гул еще пчелен все лето
в метели из окна и обеда

языком немеют мне или не мне
ко мне или ото мне
обо дне об одном дне – не об этом

«катится-катится голубой вагон...»

катится-катится голубой вагон
в каком Бог – он
и сам вагон – и катится он
завернет за угол – видно начало
в начале был вагон – а потом и весь он
рельсы-рельсы перетоптали – в обе стороны – еще и в третью
в каждом вагоне – по человеку, если идти от головы поезда,
и по три человека – если считать с хвоста

«с берега-берега гром гребет...»

с берега-берега гром гребет, плотник в поту собирает плот.
беден, как рыба, его живот. люди живут не к нему, а от.
катится-катится, как игра, топот превыпуклого бревна.
по локоток ты уже застиг. бархатен день – шубунит старик.
ссорится-ссорится сор в избе, и начинает окно шмелеть.
что не растаяло – то все ледь. из винограда забросил сеть.
в детской из ели его узде не вынимает плечей по плеть —
деть тебя или не деть

«и такая настала вокруг спина...»

*цельный снег
в тишине отражался, как сумасшедшие – след
в след*

Хендрик Джексон (перевод Алексея Парицкова)

и такая настала вокруг спина,
что стояла из трех ни одна

ледяное яйцо с красно ярким желтком
так при тридцать семи закипает, что стекает
стеклом этот жар в скорлупе – стеклодувы его раздувают.
раз и два, раз и два – раз на выдох, а шорох на вдохе.
выходи ты одна из вспотевшего льда,
раз желтком ничего не выходит

через десять минут не растает яйцо,
из какого бы льда ни рождалось
урожай соберет ярко-красное дно,
куда все это лето стекалось.

через десять минут не растает яйцо,
из какого бы льда ни рождалось.
ты же знаешь, что это яйцо изо льда —
скорлупа его только взрывалась

«ИСКАЛИ ЕГО ИСКАЛИ...»

искали его искали, где, говорят, мальчик наш
где трава высока, там нет его
где топтана – пуще прежнего нет его
родили, а он куда-то делся
aaa-aaa, разве так можно
aaa-aaa
как же его тело? зачем оно?
побежали ноги ноги быстрее воды
голова качается, переминается в воздух принимается
долог околото, длинна закута, мы зовем тебя-тебя,
а ты не слышишь
где твои уши, зачем – тогда – тебе уши
если слово названо, кто-то должен его услышать
ты говорил, говорил да выплевывал, а учили – чтобы жевал
жевал пережевывал
глух и нем глух и нем и ел бы
да где твой рот, мальчик, где твой рот?

«кричали птицы, мальчики молчали...»

кричали птицы, мальчики молчали

молчали птицы, мальчики кричали
не знали, что в лодке стоять нельзя, поэтому стояли
и если бы могли, то называли бы
все те места, куда их весла не попали

меня сегодня на руки не взяли
сказал один – завернут в одеяле
меня сегодня даже не качали
сказал второй – в линиялом покрывале

они друг друга сильно обнимали
кричали птицы, мальчики молчали

«У моста стоит собака...»

У моста стоит собака – что ей надо,
Что ей надо?
Старик идет, дряхлея, – куда он идет,
Куда он идет?
Ждет девушка у метро – кого она ждет,
Кого она ждет?
Начался ливень и льет – зачем он льет,
Зачем он льет?
Драконит коробку ворона – куда ее тащит,
Куда ее тащит?
Он смотрит на них из окна – почему он не идет с ними,
Почему он – не идет – с ними?

«Чьи это дома...»

Чьи это дома
Я бы сказал, ничьи
Если бы была в окне голова
И в горшке астра цвела
Были бы они чистые
Маленькие чужие дома
А теперь жизнь нова, вынула
Из почтового ящика – понесла
Назови хоть одного, кому то письмо дошло
Сквозь парун и через сосны окраюшки
С полной сумкой писем проходит-сгибается
С той стороны номера домов начинаются
С этой – кончаются

«перекатываясь в голени изо рта...»

перекатываясь в голени изо рта
выпадает – вот и пережита

у чужого во рту снежок
не лезет в лунку бильярдный шар
это ты столько намогчал
это ты не пел, а дитя качал

и все это – у одного него
на ногах, в гвоздях и на голове
капли впитываются по сухой траве
и стоят варварушки на крове

поднимают на руки по ночам
я тебя когда-то не докачал

«шершавые болтаются старухи...»

шершавые болтаются старухи на ветру —
то лето не кончается, то три весны в году —
и затевает первая – а где же дед – мой – дом —
вторую слышно громче – и сына – нету – в нем —
никогда со двора я уже не уйду – третья воя в ветра поддувает —
а четвертая землю ногой причитает —
– где все люди – где все люди – где все люди —
раз и два и три водит руками – дочери сыпет в подол
и несет ей на стол – ягоды – какие твои годы – погодила бы ты

«убывает дерево кажущейся норой...»

*Просто земля,
которую ты – так,
любишь;
голубовата на цвет, если кто не знает.*

Федор Васильев

убывает дерево кажущейся норой
человека нет ни внутри, ни.
снаружи он стоит – и я к тебе стою, небо обратно, и деревья
возвращаются тоже

«ВИДЕЛ ЛИ ТЫ ЖЕНЩИНУ...»

видел ли ты женщину больше себя?
а она тебя – видела?
держала тебя в руках, как октябратскую звездочку,
пока ты давал клятву?
говорил ей, что чужие жизни неприятны,
когда хочешь заснуть, а соседи спускают воду
и ворочаются в кровати?
говорил?
помнишь, на новый год к тебе пришел снеговик?
ты стоял на стуле и читал хлеб наш насущный
даждь нам днесь
думал, это Он пришел
снеговик слушал, а ты запинаясь и начинал снова
пока он не затаил
женщина больше тебя налила снеговика в ведро
и поставила на балкон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.